ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Прохорова Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы и журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: ieprokhorova@mail.ru

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XVIII – XIX ВЕКОВ И ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ: ВОЗМОЖНОСТИ, ЗАДАЧИ, «СЮЖЕТЫ»

В статье актуализируется вопрос о перспективах целостного изучения русской журналистики XVIII–XIX вв. в гендерном измерении и разработки основанной на этих исследованиях новой субдисциплины для студентов факультетов журналистики. Рассматриваются объект, хронологические границы, основные задачи и «сюжеты» данного направления историко-журналистских штудий. На примере журнала Н.И. Новикова «Модное ежемесячное издание» показаны богатые возможности использования гендерной «оптики» и в отношении известных изданий для женщин. При этом подчеркивается, что исследовательское поле не должно ограничиваться ни периодическими изданиями с целевой женской аудиторией, ни участием женщин в «срочной словесности» или феминистским публицистическим дискурсом, т.е. требуется анализ в целом журналистики XVIII–XIX вв. с учетом фактора гендера в социальной и культурной истории России. Делается вывод о необходимости более глубокого осмысления противоречивого соотношения и развития патерналистских, патриархатных и просветительских эмансипационных идей в отечественной дореволюционной периодике.

Ключевые слова: *история русской журналистики XVIII–XIX вв., гендерные исследования, «Модное ежемесячное издание» Новикова, патерналистские, патриархатные и просветительские идеи.*

Irina E. Prokhorova, PhD, Associate Professor at the Chair of History of Russian Literature and Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; e-mail: ieprokhorova@mail.ru

RUSSIAN JOURNALISM OF THE XYIII – XIX CENTURIES AND GENDER ANALYSIS: OPPORTUNITIES, CHALLENGES, «TOPICS»

The article raises the question about the prospects of studying Russian XVIII–XIX centuries Journalism from a gender perspective and development of this subdiscipline important for students of Faculties of Journalism. The author examines the chronological border, the main tasks and «topics» of this research trend. It is emphasized that the research field is not limited to the periodicals specifically for the female audience or women's participation in journalism or

feminist journalistic discourse although these phenomena are also await for a more thorough consideration from a gender perspective, as it described on the example of Novikov's "Modnoye yezhemesyachnoye izdaniye" ("Popular monthly magazine"). The conclusion is drawn that historians of Russian XVIII–XIX centuries Journalism need a deeper reflection on contradictory relations of paternalistic and patriarchal ideas and ideals of Enlightenment sympathetic to the emancipation which characterized national prerevolutionary periodicals.

Key words: *history of Russian XVIII–XIX centuries journalism, gender studies, Novikov's "Modnoye yezhemesyachnoye izdaniye" ("Popular monthly magazine"), ideals of Enlightenment, patriarchal and paternalistic ideas.*

К истории вопроса

К концу XX в. в мировом историческом знании, в том числе в российской историографии, ключевую роль стала играть «новая социальная история», которая, при некоторых разночтениях, трактуется современными учеными в основном как история «отношений между людьми» в отличие от «политико-этатистской истории», выдвигающей на первый план «историю героев, государства и войн» (Зидер, 1993: 163–164)[1]. Для «новой социальной истории» характерно переключение внимания с истории классов на историю самых разных общественных групп, выведение из тени, по замечанию И.М. Савельевой, «социальных маргиналов всех стран» и сословий, среди которых и женщины (Савельева, 2015:12). Поворот в сторону изучения жизни «простых людей» способствовал развитию гендерных исследований в истории.

Впервые, напомним, о гендере (от лат. genus – «род») как «полезной категории» исторического анализа еще в 1986 г. заявила американская исследовательница Джоан Скотт (в русском переводе ее работа появилась только в 2000 г. в Харькове). В России эту идею по сути первой поддержала Н.Л. Пушкарева, в 1999 г. опубликовавшая, в частности, статью «Зачем он нужен, этот гендер?». Сторонники гендерной истории декларировали отличие своих подходов от подходов, характерных для «истории женщин», или «исторической феминологии», которая к тому времени уже довольно широко распространилась и переживала кризис. Объектом гендерных исследований признавалось не только «женское» – «женственное» – «фемининное», но и «мужское» – «мужественное» – «маскулинное» в области социальной психологии и исторической практики, причем с акцентом на многосложности, иерархичности и, конечно, изменчивости взаимоотношений

«женское» – «мужское», в значительной мере определяющих существование социума во все времена.

Как справедливо подчеркивают авторы авторитетного «Словаря гендерных терминов», основа гендерных исследований, в том числе и в области истории, «не просто описание разницы в статусах, ролях и иных аспектах жизни мужчин и женщин, но анализ власти и доминирования, утверждаемых в обществе через гендерные роли и отношения»[2]. Причем понятие гендер может использоваться и как четкая стратификационная категория (наряду с возрастом, расой, классом и т.п.), и как культурный символ. Последнее проявляется в парадигмах «мужское – рациональное – духовное – божественное – <...> – культурное» и «женское – эмоциональное – телесное – греховное – <...> – природное» (Воронина, 2000: 11). Разумеется, это именно символические парадигмы, которым присуща условность, а не инвариантные модели восприятия «мужского» и «женского» в реальной исторической практике, когда «сильный пол» представляется исключительно в позитивном ключе, а «слабый» – в негативном. И хотя, по словам О.А. Ворониной, указанные символические «ряды» особенно характерны для западной культуры, они присущи и русской, но в меньшей мере, как будет сказано далее, за счет ее тяготения к патриархальной «фемининности».

Несмотря на сохраняющуюся дискуссионность гендерного вектора в изучении истории в целом (симптоматично, например, появление в 2000 г. в Санкт-Петербурге сборника «Гендерная история: Pro et contra»), а может быть, и благодаря этому, интерес к нему, начиная с 2000-х, затронул историков русской прессы, публицистики XVIII–XIX вв. Конечно, данная тенденция в историко-журналистских штудиях наряду с влиянием появившегося гендерного направления в историографии была обусловлена началом активных гендерных исследований современных медиа. Они во многом были инициированы Е.Л. Вартановой и выходом в 2007 г. ежегодника «Гендер и СМИ», который и ныне успешно издается факультетом журналистики МГУ под редакцией руководителя Центра гендерных исследований СМИ О.В. Смирновой. Содержательные работы Н.И. Ажгихиной, О.Д. Минаевой, О.В. Смирновой, Т.И. Фроловой и других авторов, разрабатывающих гендерную проблематику в СМИ XX–XXI вв., продолжают публиковаться и в журналах «Вестник Московского университета, Серия 10, Журналистика», «Медиаскоп» и «Медиаальманах». Так,

для нашей темы особое значение имеет статья О.В. Смирновой «Интеграция гендерного подхода в журналистское образование: российский контекст» (Смирнова, 2011).

Внимание к гендерным аспектам истории дореволюционной журналистики в той или иной мере отразилось в ряде статей, диссертаций и монографий, подготовленных в последние полтора десятилетия как на факультетах журналистики, так и на филологических, исторических, философских факультетах разных российских вузов и, соответственно, с разными научными целями и степенью глубины и полноты реконструировавших и интерпретировавших дореволюционное прошлое отечественной публицистики, периодической печати, обращавшихся к женской проблематике. Хотя не во всех таких работах упоминалось понятие «гендер», ставились задачи собственно гендерного анализа «срочной словесности», они, по крайней мере опосредованно, связаны с этой областью исследований и должны быть учтены при дальнейших штудиях.

Рамки данной статьи не позволяют даже кратко остановиться на характеристике каждого из таких исследований, но назовем, по крайней мере, наиболее крупные из них. С нашей точки зрения, это работы Е.А. Бобровник «Женский вопрос в русской философии и общественной мысли (конец XVIII – начало XIX веков)» (Мурманск, 2001), Л.П. Костюкевич «Женский вопрос в русской философии и общественной мысли (первая половина XIX века)» (Мурманск, 2003), Т.А. Карченковой «Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века» (Омск, 2004), А.С. Дементьевой «Литературная позиция журнала П.И. Макарова «Московский Меркурий» (1803)» (М., 2006), К.С. Митрохиной «Эволюция и типология женской прессы в 1779–1861 годах» (М., 2007), Е.Ю. Коломийцевой «Формирование женского универсального журнала в отечественной журналистике XVIII–XX веков» (Армавир, 2008), В.Н. Ершовой «Научная биография журналиста П.И. Шаликова» (М., 2009), В.В. Смеюхи «Отечественные женские журналы. Историко-типологический аспект» (Ростов-на-Дону, 2011) и ее же «Процессы идентификации и женская пресса» (там же, 2012), Г.С. Лапшиной «Женское лицо русской журналистики» (М., 2012), В.Л. Нестеровой «Культурный мир российской женщины Х1Х – начала XX веков на материалах отечественных женских журналов» (Владикавказ, 2015). Попытка использовать возможности гендерного подхода в исследованиях дореволюцион-

ной публицистики предпринималась и нами при анализе «женской темы» в произведениях П.А. Вяземского и Н.В. Гоголя (Прохорова, 2009; 2010).

«История русской журналистики XVIII–XIX вв. в гендерном измерении»: задачи, предмет и хронологические границы

Представляется, настает время для постепенной разработки и внедрения в учебный процесс особой субдисциплины – «История русской журналистики XVIII–X1X вв. в гендерном измерении». Создать такой лекционный курс и полноценное учебное пособие по нему – задача чрезвычайно трудоемкая. Ведь для этого требуются серьезные междисциплинарные научные исследования, просмотр de visu и с применением гендерной «оптики» огромного массива журнальных и газетных подшивок, альманахов, работа с архивами редакций, в том числе с черновиками и неопубликованными текстами, и т.д.

Реализация проекта, разумеется, предполагает опору на уже сделанное в этой сфере, и не только в нашей стране. В зарубежной науке состоялись гендерные исследования журналистики прошлого, охватывающие очень значительные временные периоды, о чем свидетельствует, например, книга Х. Фрейзер, С. Грин и Дж. Джонстон «Гендер и Викторианская периодика» (Fraser H., Green S., Johnston J. Gender and the Victorian periodical. Cambridge, 2003). Так что российским ученым предстоит подробнее изучить и мировой опыт историко-журналистских штудий, акцентирующих фактор гендера в прессе XVIII–X1X в. Хотя они тоже не лишены определенных перекосов – уклона в женскую проблематику, а нередко и феминистской тенденциозности при «реабилитации» (в широком значении слова) женщин и критике «маскулинного» мира.

Название «История русской журналистики XVIII–XIX вв. в гендерном измерении» рабочее. Верхняя граница изучаемого периода – до конца XIX в. – продиктована прежде всего принятой сегодня (хотя и дискутируемой, но не пересмотренной) в научном и преподавательском сообществе периодизацией истории отечественной журналистики[3]. Сразу оговоримся, что исключительно для краткости в данной статье иногда используется определение «дореволюционная» русская журналистика – используется условно, так как периодика собственно первых десятилетий XX в. перед ре-

волюциями 1917 г. остается за пределами предлагаемой нами субдисциплины и необходимых для ее разработки исследований.

На определении нижней границы стоит остановиться подробнее. Ведь по инерции, заданной историками русской женской прессы, может показаться, что гендерное измерение отечественной периодики в целом должно начинаться с 1779 г., т.е. с того момента, когда в России (сначала в Петербурге, а после переезда издателя – в Москве) стал выходить первый журнал с целевой женской аудиторией – «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета» Н.И. Новикова.

Бесспорно, новаторство Новикова в этом издании позволяет назвать его выдающимся явлением в гендерной истории русской журналистики. Ведь тогда впервые в России увидели в «дамах» особую аудиторию, со своими интересами и потребностями, слабостями и достоинствами[4], нуждающуюся в журнале, выполняющем не только традиционную для периодики просветителей воспитательную, но, думается, отчасти и непосредственно социализирующую роль.

Очень перспективным представляется выявить стратегии новиковских «листков» и их авторов в вопросах включения женщин в жизнь социума (пусть пока речь могла идти только о дамах, принадлежащих к богатому и более или менее образованному дворянству, и только о светском обществе), сохранения и/или корректировки традиционных гендерных представлений женской аудитории, а также ее потребительских предпочтений[5]. Предметом пристального анализа должен стать весь комплекс текстов ежемесячника, не только литературных, хотя количественно они преобладали.

Например, едва ли случайна последовательная параллельная публикация Новиковым «модных картинок» с часто ироничными подписями и рекламы качественной книжной продукции. Специального внимания заслуживают амбивалентность новиковских «креолизованных» рекламных текстов, своеобразно соединяющих в себе вербальный и визуальный коды коммуникации, и, конечно, вопрос о возможностях восприятия таких «поликодовых» структур женской аудиторией того времени. Необходимо рассмотреть проявления (и одновременно преодоление?) гендерных стереотипов (каких именно?) в позиции новиковского ежемесячника, отдельных его сотрудников. Причем учитывать, что гендерный фактор, среди прочего, определял структурные особенности «диалога»

журналистов с читательницами (Митрохина, 2007: 6), избираемого авторами тона – менторски авторитарного, просветительски демократичного или заискивающе комплиментарного.

Эти исследовательские задачи напрямую связаны с анализом причин, почему в издании для «прекрасного пола» Новикову в наименьшей (по сравнению с другими проектами) степени удалось добиться популярности. Несмотря на то, что поначалу он надеялся, судя по остроумному «Предуведомлению» к журналу, на успех у читательниц, от которых зависело сделать издание действительно «модным»[6]. А ведь к 1779 г. Новиков был весьма опытным издателем, умевшим эффективно сочетать просветительские и рекреационно-развлекательные функции периодики, приобщать в том числе и «прекрасный» пол к чтению и обсуждению своих сатирических журналов, включая критику женских пороков. Поэтому год выпуска новиковского «Модного ежемесячного издания» правомерно считать очень важной вехой... но все же не отправной точкой при написании истории русской журналистики в гендерном измерении.

Симптоматично, что почти параллельно с поворотом к гендерным исследованиям, российские историки посчитали нужным уточнить понятия «женский вопрос» и «женское движение», а соответственно, и время, когда появились обозначаемые ими явления. Начиная с последней трети XIX в. (во многом благодаря публикациям Е.О. Лихачевой – одного из первых историков эмансипации, женского образования в России), понятия «женский вопрос» и «женское движение» слишком сближались, а соответственно историю обоих явлений отсчитывали лишь с середины XIX в. Между тем, как мы видели, «женский вопрос» в широком его понимании отразился уже в «Модном ежемесячном издании» Новикова. Хотя зарождавшееся в 1850–1860-х гг. «женское движение», борьба феминисток за права женщин в России вывели дискуссии о «женском вопросе» на новый уровень, в том числе в периодической печати. Так что середина XIX в. не начало, но безусловно крупнейшая веха в гендерной истории отечественной журналистики. Укажем в этой связи, что Г.А. Тишкин, еще в советскую эпоху специально изучавший прошлое «женского вопроса» и «женского движения» в их взаимосвязи, в середине 1990-х гг. предложил считать временем становления «женского вопроса» в общественном сознании России середину XVIII в. (Тишкин, 1995:

С. 124–125), а его коллега Ю.Н. Солонин писал о горизонтах всего XVIII в. (Солонин, 1997: 18).

Такие уточнения обоснованы, прежде всего, тем, что в России «сдвиг» в презентации и самопрезентации женщины как субъекта публичной общественной жизни, высвобождение ее из «теремного» пленения патриархатного мира – неотъемлемая часть модернизационного европеизаторского проекта, выдвинутого Петром I в начале XVIII в. и продолженного Екатериной II. Недаром об этом веке говорят как о времени «женского вторжения» в социокультурное пространство дворянской России, когда появляются новый быт, «ассамблеи» и театры, маскарады и балы, первые образовательные учреждения для женщин – институты благородных девиц, пусть небыстро, но распространяются женское «письмо» и «чтение».

Социокультурные новшества постепенно, преодолевая серьезное противодействие, меняли «сюжеты» отношений между людьми через корректировку в распределении гендерных ролей. И очень важно проследить, как все эти явления отражались уже на страницах первенцев русской периодики. Так что отправной точкой и при рассмотрении русской журналистики с гендерной точки зрения правомерно считать 2 января 1703 г., когда увидел свет первый номер петровских «Ведомостей о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах».

С приходом к власти Екатерины II формирующееся «общее мнение» все больше считалось с мнениями женщин, принадлежащих к дворянской элите[7]. Для таких женщин открывалась возможность стать «влиятельными коммуникантами» (если использовать выражение Т.А. ван Дейка). Наряду с мужчинами они начинали участвовать – в зависимости от их собственного отношения к социокультурным переменам – в консервации или деконструкции «старых» гендерных норм и, следовательно, конструировании «новых», подчеркнем, адресуясь к представителям обоих полов. Уже с конца 1760-х гг., правда, лишь в исключительных случаях «влиятельные коммуниканты» женского пола могли воплощать свои гендерные идеи и в периодике.

Многообещающим кажется рассмотрение под этим углом зрения эволюции журнальных опытов Екатерины Великой – от руководимого по сути ею журнала «Всякая всячина» (1769) до «Собеседника любителей российского слова» (1783–1784). И особенно

важно сравнение редакционной политики в первом и втором, издававшемся Академией наук при ближайшем участии не только императрицы, но и первой женщины – директора Петербургской Академии наук Е.Р. Дашковой и вышедшем в новой исторической ситуации. Ведь последняя потребовала существенных изменений в официальной идеологии, культурной политике, конструируемых, а отчасти и реализуемых самой «бабушкой» русской журналистики и ее сподвижницей. Весьма интересно сопоставить и позиции двух Екатерин – Великой и Малой, как иногда называли Дашкову. Причем при омыслении гендерной истории прессы екатерининского времени необходимо учитывать и результаты исследований В.Ю. Проскуриной «Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II» (М., 2006) и А.Д. Ивинского «Литературная политика императрицы Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова»» (М., 2012). Особенно ценны в этом отношении элементы гендерного анализа имиджей императрицы, которые выстраивались ею и ее современниками и опирались на широко известные мифологические образы Августа, Дидоны, Венеры, Паллады и др.

Гендерная «оптика» и соотношение патриархальных, патриархатных и просветительских эмансипационных идей в русской журналистике XVIII–XIX вв.

Разумеется, задача гендерных исследований истории журналистики не сводится к тому, чтобы выяснить, как, в каких жанрах, на каком материале, с ориентацией на какие гендерные архетипы представлены «женская тема», образы россиянок и иностранок на страницах газет и журналов прошлого. Предстоит проанализировать, насколько последовательно и эффективно периодика транслировала «маскулинные» воззрения на мир с типичной для них априорностью андроцентричного мироустройства, «естественностью» патриархатной модели общества в целом и семьи в частности, резким противопоставлением «мужского» и «женского», причем с закреплением за ними ролей «господства» и «подчинения» («смирения»), «активности» и «пассивности». И насколько соотносились подобные выступления с материалами, отражавшими «фемининное» мироощущение и понимание возможностей и способов влияния женщин и «женского» начала в истории. В какой мере это зависело от меняющейся исторической ситуации в каж-

дый изучаемый период, от принадлежности изданий (официальные, государственные или частные) и их целевой аудитории (общая, женская, мужская), типа (политические, литературные, литературно-общественные и т.п. газеты, журналы, альманахи) и идейной направленности.

Гендерная «оптика» при рассмотрении истории отечественной журналистики особенно значима в связи с известной концепцией Н.А. Бердяева об антиномичности «женственного и мужественного начала в русском народном характере» и необходимости «пробуждения» в нем истинно «мужественного» сознания. Носителем такого сознания провозглашалась «истинно христианская личность», готовая стать «мужем женственной национальной стихии», а не ее рабом, преодолеть «пассивную женственность» в отношении к государству. Об этом Бердяев размышлял в знаменитой статье «Душа России», опубликованной в 1915 г.[8] В свете его рассуждений, вероятно, можно говорить о том, что в отечественной периодике XVIII–XIX веков превалировало не лишенное глубинных противоречий сочетание пропаганды патриархатных «маскулинных» ценностей, «господства» мужчин внутри общества и внутри семьи и одновременно патерналистских идей, установки на подчинение государству общества и личности в России с ее «пассивной женственностью».

Разумеется, этой моделью, несмотря на ее распространенность, не исчерпывается идейный ландшафт русской журналистики XVIII–XIX вв. В ней всегда находились силы, в той или иной мере склонные искать возможности для более гармоничного взаимодействия как между полами (преодоления социального неравенства в этой сфере), так и между личностью, обществом и государством. И речь не только об издателях и публицистах – сторонниках масштабных (либеральных или радикальных, революционных) преобразований всей социально-экономической и политической системы в стране. Нередко осмысление обозначенных выше проблемных «рядов» – патриархатных и патерналистских отношений – шло в периодике асимметрично. Это приводило к тому, что в позиции издания могли соседствовать консервативные общеполитические идеалы с просветительскими идеалами расширения пространства жизни и деятельности человека независимо от его половой принадлежности. В результате призывы к преодолению традиционного завышения «статуса» мужчин и дискриминации женщин, в том числе в области интеллектуальной, творческой (включая сферу литерату-

ры и журналистики) самореализации личности подчас звучали с довольно неожиданных трибун и артикулировались авторами, далекими от политической оппозиции государственной власти. Все эти «сюжеты» также должны быть в фокусе гендерных исследований истории журналистики XVIII–XIX вв.

В целом анализ противоречивого переплетения и сложного сосуществования в дореволюционной русской периодике различных идей и «сюжетов», так или иначе связанных с категорией гендера, последовательное изучение истории отечественной журналистики XVIII–XIX вв. с использованием гендерной оптики обещают стать весьма плодотворными. Это представляется полезным и для углубления специальных историко-журналистских знаний, в том числе среди студентов, которые смогут знакомиться с предлагаемой субдисциплиной «История русской журналистики XVIII–X1X вв. в гендерном измерении». Важно обозначенное направление исследований и для общего понимания отразившейся в прессе, а отчасти и определенной ею истории страны как истории отношений между людьми, в которых гендерный фактор играл и продолжает играть одну из ключевых ролей.

Примечания

---

[1] Ср.: «Социальная история – отрасль исторической науки, изучающая человека в ретроспективном контексте общественных связей и отношений. <...> «история снизу», т.е. исследование жизни, повседневности и стратегии жизни простых людей, а не только элит или элитарных групп (в противоположность «истории сверху»)» (Режим доступа: http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01412).

[2] *Воронина О.А.* Гендер // Словарь гендерных терминов (Режим доступа: http://www.owl.ru/gender/022.htm). Ср. с суждением М.Г. Муравьевой в том же словаре, что «гендерная история включает в себя историю женщин, историю мужчин, историю полов и их взаимоотношений, проблему социального конструирования пола и, самое главное, взаимосвязь и влияние вышеуказанных процессов на общую картину исторического развития человечества».

[3] Так, в серии «Классический университетский учебник» в 2008 г. вышло уже третье издание книги Б.И. Есина «История русской журналистики XIX века», которая и сегодня остается востребованной не только на факультете журналистики МГУ. Именно XIX веком заканчивается изложение материала и в другом рекомендованном Министерством образования Российской Федерации учебнике – «История русской журналистики XVIII–XIX веков», подготовленном коллективом авторов под редакцией Л.П. Громовой (СПб., 2013).

[4] В этой связи надо вспомнить сатиру «Каковы мои читатели» Новикова (журнал «Трутень», 1769), обрисовавшего 25 читательских типов, среди которых 8 женщин. Половина из них охарактеризована вполне положительно, в первую очередь Прелеста. По словам издателя «Трутня», она умела ценить критику журнала в

адрес женщин, будучи свободна от изображаемых пороков, и её «похвала лестна» для журнала так же, как и читателя Зрелума (http://az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_1700_truten.shtml).

[5] Отметим, что несмотря на неоднократное обращение историков журналистики к этому изданию, в частности, в содержательной статье Т. Ф. Пирожковой «Журнал для «прекрасного пола»» (Вест. Моск. ун-та. Сер. 10, Журналистика. 1994. № 6. С. 26–36), в гендерном отношении оно изучено мало.

[6] Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета». СПб, 1779. №.1. Б/с.

[7] Ярчайшее подтверждение этого – ставшая афоризмом заключительная реплика Фамусова, воспитанного в нравах екатерининского времени и в новом «веке» боящегося осуждения влиятельной московской барыни: «Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!».

[8] *Бердяев Н. А.* Душа России. Режим доступа: //http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1918_15_01.html.

Библиография

Воронина О.А. Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 9–20.

Здравомыслова О.М. «Русская идея»: антиномия женственности и мужественности в национальном образе России // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 109–115.

Митрохина К.С. Эволюция и типология женской прессы в 1779–1861 годах: Автореферат дис... канд. филолог. наук. М., 2007.

Прохорова И.Е. «Женская тема» в литературно-критических и публицистических текстах П.А. Вяземского: к вопросу о возможностях гендерного подхода к анализу // Медиаскоп. 2009. № 2.

Прохорова И.Е. Журнально-публицистические статьи Н.В. Гоголя: вариации на «женскую тему» // Медиаскоп. 2010 № 3.

Пушкарева Н.Л. Зачем он нужен, этот «гендер»? (новая проблематика, новые концепции, новые методы анализа прошлого) // Социальная история. Ежегодник 1998–1999. М., 1999. С. 155–177.

Райнхард З. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. Вып. 1. 1993. С. 163–181.

Савельева И.М. Новая «социальность» социальной истории. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015.

Смирнова О.В. Интеграция гендерного подхода в журналистское образование: российский контекст // Медиаскоп. 2011. № 4.

Солонин Ю.Н. Голос о женском достоинстве из XVIII века // О благородстве и преимуществе женского пола: Из истории женского вопроса в России. СПб, 1997. С. 18–31.

Тишкин Г.А. Дворянские идеи женской эмансипации (вторая половина XVIII – начало XIX века) // Публицистика эпохи Просвещения. Вып. 1. СПб, 1995. С.124–135.

Notes

Esin B.I. (2008) *Istorija russkoj zhurnalistiki XIX veka*. Moscow: Moscow University Publ.

Istorija russkoj zhurnalistiki XVIII-XIX vekov. (2013) Ed by L.P. Gromova. St. Peterburg, St. Peterburg University Publ.

Pirozhkova T.F. (1994) Zhurnal dlya «prekrasnogo pola» [The Magazine for "Gentle Sex"]. *Vest. Mosk. un-ta, Ser. 10. Zhurnalistika* 6: 26–36.

References

Mitrokhina K.S. (2007) Evolyutsiya i tipologiya zhenskoy pressy v 1779–1861 godakh: Avtoreferat dis....kand. filolog. nauk. [The Evolution and Typology of Female Press in 1779–1861. PhD Thesis]. Moscow.

Prokhorova I.E. (2009) «Zhenskaya tema» v literaturno-kriticheskikh i publitsisticheskikh tekstakh P.A. Vyazemskogo: k voprosu o vozmozhnostyakh gendernogo podkhoda k analizu [«Female Subject» in Literary Criticism and Journalistic Texts of P.A. Vyazemsky: On the Possibility of a Gender Approach to the Analysis] *Mediaskop* 2.

Prokhorova I.E. (2010) Zhurnal'no-publicisticheskie stat'i N.V. Gogolja: variacii na "zhenskuju temu" [Journalistic Articles of N.V. Gogol: Variations on «Female Subject»] *Mediaskop* 3.

Pushkareva N.L. (1999) Zachem on nuzhen, etot «gender»? (novaya problematika, novye kontseptsii, novye metody analiza proshlogo) [Why do We Need that «Gender»? (New Issues, New Concepts, New Methods of Analysis of the Past)] *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik 1998-1999.* Moscow. Pp. 155–177.

Raynkhard Z. (1993) Chto takoe sotsial'naya istoriya? Razryvy i preemstvennost' v osvoenii «sotsial'nogo» [What is Social History? Breaks and Continuity in the Development of «Social»]. *THESIS: teoriya i istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i system* 1(1): 163–181.

Savel'eva I.M. (2015) *Novaya «sotsial'nost'» sotsial'noy istorii* [The New «Sociality» of Social History]. Moscow, Higher School of Economy Publ.

Smirnova O.V. (2011) Integratsiya gendernogo podkhoda v zhurnalistskoe obrazovanie: rossiyskiy kontekst [Gender Approach in Journalism Education: Russian Context]. *Mediaskop* 4.

Solonin Yu.N. (1997) Golos o zhenskom dostoinstve iz XVIII veka [The Voice of a Woman's Dignity from the XVIII Century]. *O blagorodstve i preimushchestve zhenskogo pola: Iz istorii zhenskogo voprosa v Rossii.* St. Peterburg. Pp. 18–31.

Tishkin G.A. (1995) Dvoryanskie idei zhenskoy emansipatsii (vtoraya polovina XVIII – nachalo XIX veka) veka [Noble Ideas of Women Emancipation (Second Half of XVIII – the Beginning of XIX Century)]. *Publitsistika epokhi Prosveshcheniya. Vyp. 1.* St. Peterburg. Pp. 124–135.

Voronina O.A. (2000) Sotsiokul‘turnye determinanty razvitiya gendernoy teorii v Rossii i na Zapade [Social and Cultural Determinants of Gender Theory in Russia and in the West]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost‘* 4: 9–20.

Zdravomyslova O.M. (2000) «Russkaya ideya»: antinomiya zhenstvennosti i muzhestvennosti v natsional‘nom obraze Rossii [«Russian Idea»: the Antinomy of Femininity and Masculinity in the National Image of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost‘* 4: 109–115.

Поступила в редакцию
07.05.2016